

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический университет»
Институт психолого-педагогического образования
Кафедра германской филологии

К ЗАЩИТЕ ДОПУСКАЮ
Заведующая кафедрой ГФ
Ускова Белла Анатольевна

«__» _____ 20__ г.

Метафорическое представление российской действительности в
англоязычном политическом дискурсе

Выпускная квалификационная работа
по направлению 050100 Педагогическое образование,
профилю «Образование в области иностранного языка»

Идентификационный код ВКР: 030

Исполнитель:

Студент группы ИА-402

Кремлёв Н.С.

(подпись)

Руководитель:

кандид.филол.наук

доцент кафедры германской филологии

Колотнина Е.В.

(подпись)

Нормоконтролер:

Кандид.пед.наук

доцент кафедры германской филологии

Фоминых М.В.

(подпись)

Екатеринбург 2016г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Стереотипы в национальной картине мира	6
1.1 Национальная и языковая картины мира.....	7
1.2 Национальные стереотипы как предмет лингвокультурологического исследования....	15
1.3 Концептуальная метафора в политическом дискурсе	19
Выводы по главе 1.....	27
Глава 2. Метафорическое представление Российской действительности в англоязычной прессе	30
Выводы по главе 2.....	49
Заключение.....	52
Список литературы	54
Приложение 1	

Введение

Актуальность исследования: С возрождением в науке антропоцентрической парадигмы, и в частности в современной лингвистике, в центре внимания исследователей оказывается язык, в симбиозе с речемыслительной деятельностью человека, как субъекта познания и коммуникации. Одним из наиболее продуктивных средств передачи и интерпретации языковой реальности, в современной лингвистике, является концептуальная метафора.

А поскольку «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон 1990: 387], для создания у реципиента определённого образа, в политической речи используется метафорическая модель структуризации информации.

Именно посредством концептуальной метафоры, происходящее на политической арене доставляется адресату в готовой для восприятия форме. В значительной степени проблема восприятия в сознании реципиента, обуславливается надёжно закрепившимися в ней стереотипами. Одним из мощнейших воздействующих факторов на формирование национальных стереотипов, является безустанная работа Средств Массовой Информации и навязывание предопределённой схемы восприятия. Для усиления эффекта такой когнитивной манипуляции, используются ярко-окрашенные концептуальные метафоры, отражающие политическую обстановку, доступными и упрощёнными для восприятия реципиента средствами.

Предметом исследования данной работы являются метафоры, используемые в современных англоязычных газетах для представления образа России. **Объектом исследования** - закономерности метафорического

словоупотребления, характерного при представлении России в современных англоязычных газетных текстах.

Цель исследования данной работы является исследование метафорического образа России в языковой картине мира англоязычных СМИ на основе выявления, анализа и классификации метафорических моделей, активно используемых в современных газетах Великобритании и США.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные **задачи**:

- эксплицировать теоретические понятия «концептуальная метафора», «национальные стереотипы», и «языковая картина мира».
- выявить и систематизировать основной состав и наиболее продуктивные типы используемых в англоязычном политическом дискурсе печатных СМИ концептуальных метафор, ориентированных на представление современной российской действительности;
- проанализировать прагматический потенциал метафорических моделей, используемых для интерпретации российской действительности в англоязычных газетных текстах.

В качестве **материала для работы** использовались публицистические тексты из англоязычных общенациональных газет, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами («The Economist», «The Financial Times», «The Guardians», «The Times», «Bloomberg Business Week», «Chicago Tribune», «Los Angeles Times», «The American Spectator», «The National Interest», «The New York Times», «The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Washington Times»), освещающие различные события российской жизни.

Нами была выдвинута следующая **гипотеза**. СМИ как одна из доминирующих национальных просветительных сил, воздействует на формирование «знаний» адресатов, о происходящих реалиях на политической арене. А так как образ России является для англоговорящего

читателя «чуждым», СМИ путём метафоризации знакомых читателю сведений и знаний, навязывает predetermined и коннотативно окрашенную картину происходящего, что непосредственно влияет на создание национальных стереотипов.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что она может быть использована в лексикографической практике (англо-русский словарь политической метафоры). Результаты исследования могут быть применены в процессе вузовского преподавания психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, риторики, стилистики, а также могут быть полезны специалистам в области политической межкультурной коммуникации и международной журналистики.

Апробация работы. Основные положения данной работы излагались на VIII международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики» в Екатеринбурге в 2016г. Также, по теме дипломной работы была опубликована статья:

1. Кремлёв Н.С., Колотнина Е.В. Метафорическое отражение Российской действительности в политическом дискурсе. //Молодой учёный №7 (111), за апрель 2016г.

Глава 1. Стереотипы в национальной картине мира

Средства массовой информации способны воздействовать на восприятие реципиентом, даже целой нации, той или иной действительности, воспроизводя и используя различные стереотипы закрепившиеся в сознании людей и формируя, таким образом, определённую картину мира. В свою очередь, ряд исследователей: М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, С. В. Дж. Лакофф, Чугров, А. П. Чудинов приходят к выводу, что на средства массовой информации влияют установившиеся в национальном сознании стереотипы. Так же они сходятся во мнениях, что метафора является одним из способов создания языковой картины мира. Как отмечает А.П. Чудинов: «каждая из ... метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стёклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей... Важно подчеркнуть, что метафорическое зеркало отражает не реальное положение дел..., а его восприятие в национальном сознании» (Чудинов А.П. [16]).

В данной главе мы формируем теоретическую базу, используемую для изучения метафорических моделей, присущих англоязычной публицистике, как наиболее информативный и популярный способ подачи информации о России, и определения роли метафоры в формировании стереотипов России в концептуальной картине мира реципиента, представителя англоязычной лингвокультуры. Так же, в данную главу внесены разделы, посвященные определению роли национальных стереотипов в восприятии сообщаемой реципиенту информации и рассмотрению теории концептуальной метафоры.

1.1 Национальная и языковая картины мира

К 21 веку, в эпоху глобализации, развивается тенденция к всеобщей стандартизации, большинство наций сблизилось и унифицировалось по быту и мышлению, способствовали тому: интернационализм и математизация наук, глобальная сеть Интернет. И тем не менее, в своей сущности все народы остаются уникальными, до тех пор, пока существует эндемичная система мироустройства каждой нации в отдельности, так как это явление является базисом, на котором формируются склады бытия и мышления в рамках целой нации. Более того, каждый «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлечённый человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую степень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нём есть родовые черты человека вообще и ещё есть черты индивидуально-национальные» (Бархударов Л.С. [4]).

Чтобы выявить специфику национальной картины мира, в первую очередь необходимо дать определения лежащим в основе понятиям : «картина мира», «нация», «этнос» и «народ».

Мы будем использовать определение предложенное Е.С. Кубряковой: картина мира -это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединённая в известную интегральную систему» (Кубрякова Е.С. [10]). Таким образом, национальная картина мира – это сформированный в массовом сознании нации, образ мира.

Изучением данного вопроса занимались следующие учёные философы: Н. Бердяев, М. Вебер, К. Дейг, Э. Дюркгейм, А. Козинг, В. И. Курашов, К. Маркс, Дж. С. Милль, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Э. А. Поздняков, и В. Соловьёв, современные политические словари и энциклопедии избегают категоричных трактовок термина нация, отмечая, что оно «не является

однозначно определённым, т. к. пересекается с другими, напр. государство или народ» (Донец П.Н. [9]).

Следовательно, **нация** – это общность людей не только осознающих духовное единение в различных аспектах своего бытия, но и творящих его, и сообразующих с ним внутренние и внешние основы своего жизненного уклада.

Это понятие конкретной нации, с одной стороны, включает абстрактное понятие в свой объём в качестве наиболее общего подчинённого момента, а, с другой стороны, логически соподчинено ему как единичное общему.

В выдвинутом нами определении акцентируется внимание на понимании нации как целостной **духовной** и **душевной** общности людей.

При таком понимании нации важнейшими её атрибутами и инвариантами являются своеобразные ментальность, традиции и миссия (Бабушкин А.П. [19]). Инвариант в данном контексте означает неизменный при всех изменениях в существовании народа: исторических, географических, политических и пр. При этом, такие характеристики нации как язык, происхождение, территория, входят в целостный организм национальной жизни и связаны с общей национальной идеей и как сущности, и как явления. В своих работах по теории языка, Н. С. Трубецкой говорит о связи языка и национального характера: «Для меня субъективно-интуитивно совершенно ясно, например, что между общим акустическим впечатлением чешской речи и чешским психическим обликом существует какая-то внутренняя связь» (Трубецкой Н. С. [15]). Все характеристики нации органично переплетены и взаимосвязаны друг с другом, что придаёт любому их разделению условный характер. Тем не менее, рассмотрим роль каждой из них в становлении нации.

Рассмотрим понятие национальности, как основополагающей характеристики. Здесь имеется в виду расово-этническая, кровнородственная принадлежность по биологическим генам. Но генетическая характеристика не имеет существенного отношения к национально-этнической идентичности. Имеется множество примеров, когда люди, имеющие чужеродные корни, но родившиеся и выросшие в соответствующем национальном окружении

являются полными представителями этого окружения. Так А.С. Пушкин становится национальным русским поэтом, и оказывает непосредственное влияние на языкотворчество русского языка, не смотря на свои африканские корни.

Следующей важной характеристикой нации является язык. Древнегреческий язык и латынь сохранились, но вряд ли на территории современной Греции и Италии проживают те же этносы, что и в Античности. В современной Индии один из государственных языков английский и многие на нём говорят, но не становятся при этом англичанами по духу. К тому же в многонациональных странах есть писатели и поэты, которые говорят и пишут на языке не своей нации, но остаются национальными писателями и поэтами, выразителями духа своего народа. Во-первых, каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Этот способ, свойственный языкам, отчасти универсален, отчасти национально специфичен, а следовательно носители разных языков видят мир по-разному, через призму своих языков.

Во-вторых, язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые посредством специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры (Бархударов Л.С. [4]).

Следующим компонентом нации, является территория и государственность. Многие народы на длительный период лишались государственной независимости, но при этом сохранилась их национальная идентичность. Следовательно, и эти характеристики не являются определяющими нации.

Следующим компонентом нации можно выделить Религию. После крещения Древняя Русь обрела целостной национальной идеи, хотя и до этого племена Древней Руси уже составляли некоторую общность «Русь», что и имеется в виду в понятии «крещение Руси». Религия имеет большую

объединяющую силу. Это видно, например, по еврейскому народу, который во время продолжительной диаспоры менял и видоизменял язык, но сохранил верность иудаизму и тем самым национальную идентичность.

Следующим компонентом формирующим этнонациональность нации является его ментальность. Понятие «ментальность» до сих пор определено нечётко. В данном контексте «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Вежбицкая А. [7]). Без своеобразия ментальности нет и нации как особой целостности в человеческом сообществе, то есть невозможно установить её, идентифицировать. Эмпирический материал для этого даёт национальная духовная культура: фольклор, философия, искусство, произведения национальных мыслителей, - проблема здесь только в выделении национального и интернационального в каждой из названных сфер. Наиболее полную картину о ментальной природе человека и нации, представляется возможным составить, при исследовании национального фольклора, в котором отражены общие духовные черты народа.

И последним определяющим компонентом нации, отметим традиции и символы. Здесь имеются в виду традиции и символы во всех сферах духовной и материальной жизни. Если говорить о России, то необходимо включать сюда и православные святыни, и квашеную капусту. По мнению В. И. Курашова, без символов и традиций национальная идентичность скрывается в невидимые метафизические измерения, становится неявной (Курашов В.И. [11]).

Таким образом, в основе национальной целостности, в основе национальной картины мира лежат символы, традиции, ценности, менталитет, культура, характерные для того или иного народа. Хотя «все народы под одним солнцем и луной ... ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс, они ходят по разной земле и разный быт имеют, из различной почвы вырастают, жизненными темпоритами различены. А отсюда ценности, общие для всех народов, располагаются в разном соотношении» (Донец П. Н. [9]).

Объединяя набор расхожих ценностей и символов различных наций (назовем их «национальными стереотипами»), мы можем увидеть со стороны целостный образ «другой» или «своей» страны, так как «национальный менталитет даёт о себе знать только в присутствии другого менталитета» (Сэпир Э. [13]).

Для того чтобы сделать выводы, о национальной картине мира и формируемых, на её фоне “национальных стереотипов”, представляется необходимым рассмотреть так же понятие языковой картины мира.

Стоит отметить, что идея о языковой картине мира восходит к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка, к гипотезе «лингвистической относительности» Э. Сэпира – Б. Уорфа, равно как и ко всей поздней американской этнолингвистике, к учению Л. В. Щербы об «обывательских» понятиях. Таким образом, раньше лингвисты рассматривали языковые значения как непосредственное отражение фактов действительности путём описания языковых значений через всё более простые смыслы вплоть до элементарных – слов универсального семантического метаязыка (Вежбицкая А. [7]).

Как показывает предшествовавший обзор, язык наряду с другими характерными чертами нации: происхождением, территорией, государственностью, религией, культурой формирует национальную идентичность. Однако стоит выделить различия между языком и иными характеристиками нации. Во-первых, язык – незамкнутая система, проникающая и присутствующая во всех сферах деятельности человека, основная функция которого состоит в описании окружающей говорящего действительности (Бархударов Л.С. [4]). Зачастую он просто неотделим от таких национальных составляющих как культура, самосознание, менталитет. Академик Д. С. Лихачев пишет: «...язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и её воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» (Лихачев Д. С. [12]). Во-вторых, языку присущ свой собственный, целостный взгляд на мир. Ключом к пониманию «стереотипов» языкового и более широкого культурного сознания,

лежащих в основании национальных стереотипов могут служить лексические коннотации, которые мы вслед за Ю. Д. Апресяном понимаем как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции» (Апресян Ю.Д. [2]). «Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, они объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, метафорах, фраземах, производных словах» (там же).

Таким образом, свойство языка – отображать мир. Но речь идёт не о зеркальном отражении мира, а об определённой интерпретации, особом способе организации мира в языке. Действительность «проецируется» в семантику естественного языка, и полученная языковая картина отличается как от мира действительности, так и от всех иных моделей действительности. Для обозначения отражаемой в языке реальности мы воспользуемся уже утвердившимся термином «языковая картина мира» используемого в своих работах Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной, Г. Н. Складневской, В. Н. Телия.

Стоит особо отметить проблему соотношения языковой и концептуальной картины мира. Многие лингвисты Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, и другие, разделяют эти модели мира. Концепт есть «своего рода «алгебраическое» выражение значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определённой среде, профессии и т. д.)» (Лихачев Д.С. [12]). Но возникает концепт не непосредственно из значения слова, а является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (там же). Слово, таким образом, служит «ярлыком» для концепта. Из сказанного следует, что концептуальная картина

мира – феномен более сложный, чем языковая картина мира, которая вторична по отношению к концептуальной картине мира: национальный язык «живёт» в концептуальной сфере (там же).

Наша работа основана на лингвокультурологической трактовке концепта как основной единицы ментальности данного народа, через которую осуществляется проявление, отражение и фиксация культуры в языке. Для определения понятия “концепт” использовалась трактовка В. А. Масловой, которая понимает концепт как «структурно и образно организованное знание о каком-либо предмете духовной или материальной культуры в коллективном сознании, выраженное в языковой форме» (Маслова В.А. [40]). Следовательно, в аспекте нашего исследования разделение на языковую и концептуальную картину мира является существенным.

В соответствии с представлениями современной лингвистики, язык не только пассивно отражает мышление человека, но и оказывает на него заметное воздействие, влияет на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности. Каждый естественный язык обладает единой системой значений, обязательной для всех носителей этого языка. Через эту систему значений человек постигает окружающую действительность. Можно говорить о том, что присущий носителям языков взгляд на мир отчасти универсален, но с другой стороны, в каждом языке существуют специфичные, характерные для данного языка концепты. Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая приводят такой пример типично русских концептов: «душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось» (Апресян Ю.Д. [2]; Вежбицкая А. [7]). Соответственно, свойственный языку способ концептуализации действительности национально специфичен, т. е. восприятие мира у носителей разных языков не идентично. «Картина мира при всех самых несовершенных вариантах своего воплощения всегда целостна. Её характеризует единство образов, согласованность частей. Она никогда не бывает разорванной» (Рахилина Е.В. [46]). Цельность языковой картины мира проявляется в её особенной «лабильности, позволяющей совмещать логически несовместимое»

(там же).

Рассмотрим устройство человека с точки зрения языковой картины мира, представленной в русском языке. Как отмечает Е. В. Урысон, оно отличается от привычных нам представлений. Во-первых, «внутри человеческого тела имеются подобные органам, но нематериальные сущности, которые нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах (пример такого органа – душа). Во-вторых, психические процессы, подобно материальным, связаны с определёнными органами внутри тела» (Урысон Е. А. [50]). Например, если человек может думать и понимать, то значит, внутри него есть невидимый орган, который и обеспечивает данную способность (в данном случае – это ум).

Что касается антропоцентричности языковой картины мира, то «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» (Апресян Ю.Д. [2]). Так, мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела. Слоны, носороги и бегемоты – большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки – маленькие животные, потому что они меньше человека.

Очеловечивание окружающего мира, наделение природных явлений духовными чертами происходит всё по тому же антропоцентрическому канону, например: дождь идёт; спокойное море; задумчивый лес и т. п.

Ю. Д. Апресян отмечает, что антропоцентризм играет в языковой картине мира большую роль, чем может показаться. В качестве примеров исследователь приводит такие, физические понятия, как «тяжелый», «твёрдый», «прочный», допуская, что в них может входить представление о человеке. По мнению ученого, в языковом сознании значение слова **тяжелый** (о весе) связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами – для их смещения, поднятия, переноса. «Твёрдый», в первом приближении, значит, «такой, поверхность которого трудно деформировать», а «прочный» – «такой, который трудно разрушить» (Апресян Ю.Д. [2]). Так, под влиянием

общества, в результате полученных при взаимодействии с людьми впечатлений, у человека формируются оценочные эталоны, с помощью которых происходит категоризация понятий

1.2 Национальные стереотипы как предмет лингвокультурологического исследования

Понятие «стереотип», предложенное ещё в 20-е годы XX века американским журналистом У. Липпманном для характеристики особенностей массового сознания, в настоящее время изучается психологами, социологами, когнитологами, этнографами, лингвистами и этнолингвистами среди которых: Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Г. С. Батыгин, Ю. В. Бромлей, Л.Г. Гусякова, П. Н. Донец, Ж. Коллен, И. С. Кон, В. Красных, У. Липпманн, А. В. Михеев, Ю. Е. Прохоров, З. В. Сикевиц, С. В. Силинский, Ю. А. Сорокин, С. М. Толстая.

У человека выделяют несколько уровней стереотипов: биологические (схемы реакций отдельных клеточных образований и органов), психические (программы деятельности подсознания и сознания) и социальные (результат совместной деятельности людей по преобразованию окружающего мира) (Меренков А.В. [41]). Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: **конкретизации** – стремления к ассоциациям абстрактных понятий с какими-то конкретными образами и **упрощения**, суть которого сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений (Сикевиц З.В. [14]).

В нашей работе стереотип рассматривается с позиций лингвистики, в связи с коммуникативным, в первую очередь – вербальным поведением. **Стереотип** есть «схематический стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» (Бархударов Л.С. [4]). С точки зрения содержания «стереотип» есть фрагмент концептуальной картины мира,

устойчивый, минимизированно-инвариантный, обусловленный национально-культурной спецификой образ-представление о предмете или о ситуации, причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, но о предмете или ситуации «в целом».

В соответствии с представлениями ведущих отечественных когнитологов стереотипы имеют следующие функции (Краткий словарь когнитивных терминов [55]):

- когнитивная – генерализация результатов когнитивной обработки человеком внеязыковой реальности;
- аффективная – определённая мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому»;
- социальная – разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»: приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни.

Важную роль в стереотипе играет ориентация по национальному признаку.

Национальные (этнические или этнокультурные) стереотипы – это естественные составные элементы национального сознания, своего рода «коллективные представления» одной нации о другой или о самой себе (Чугров С.В. [51]). Философы Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, определяют понятие «мышление», как процесс, не зависящий от национальной и классовой принадлежности его носителей, он работает по единым законам. Однако содержание мышления «несёт на себе отпечаток психического склада, духовного облика людей, объединённых национальной общностью» (Бабушкин А.П. [21]). Именно в содержании мышления (отражаемого в «зеркале» языка) фиксируются несходства в культурном опыте тех или иных народов. Данные «несходства» могут отражаться в национальных стереотипах, например, с помощью оппозиций: немец противопоставляется русскому по параметру

приверженности к порядку; англичанин противопоставит русскому по параметру открытости проявлений внутреннего состояния (Кобозева И.М. [36]).

Большинство национальных стереотипов построены по логической формуле: Представители народа X являются (делают) Y (южане вспыльчивы, итальянцы музыкальны). Отметим, что, когда мы говорим о «национальном стереотипе», речь идёт не о всеобщих, а только типичных качествах, то есть характерных не для каждого представителя народа, а для большинства народа. «Это не исключает существования среди такого народа разных индивидуальных отклонений, не укладывающихся в рамки стандартной этнической схемы» (Бранский В.П. [23]). Но именно среднее большинство приводит в массовом сознании к представлению об едином стереотипе бытового поведения.

Исследователи отмечают амбивалентность функциональной основы национальных стереотипов. С одной стороны, они облегчают взаимодействие в соответствующем социуме, стереотипизированные элементы образа чужой общности выступают как своего рода ориентиры для «среднего человека», не обладающего запасом знаний и способностью быстро разобраться в сплетении фактов, мнений, цифр, «подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» (Тер-Минасова С.Г. [49]). «Так, в обществе закрепляются и эксплуатируются стереотипы о немецкой аккуратности, русском «авось», африканском темпераменте, вспыльчивости итальянцев, упрямстве финнов, французской галантности» (Маслова В.А. [40]).

С другой стороны, национальные стереотипы, будучи схематичными, устойчивыми, малоизменчивыми, не ведут к формированию многоаспектного, объёмного, сложного представления. Более того, по мнению многих исследователей, зачастую в основе национальных стереотипов лежат ложные признаки, так как каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке других наций. «Негативные этнические предрассудки подразумевают тенденцию индивида негативно оценивать члена внешней группы или внешнюю группу в целом и тем самым позитивно оценивать

внутреннюю группу, членом которой он себя ощущает. Этнические стереотипы – это негативные установки, которые являются стабильными и устойчивыми» (Донец П.Н. [9]). Как полагает В. Ф. Петренко, «стереотипы не исчезают сами по себе и только способны менять свой знак на противоположный» (Петренко В.Ф. [45]).

Стоит подчеркнуть, что стереотипное восприятие «чужого» этноса характеризует не столько его, сколько этнос, в котором оно образовалось и бытует. Оценки какой-либо нации со стороны разных наций не только весьма различны, но, случается, и противоположны. Национальные стереотипы представляют собой своеобразное проецирование «своих» ценностей на «чужие». Внедрение стереотипов в массовое сознание в первую очередь усилиями средств массовой информации, которые манипулируют восприятием читателей в том смысле, что определяют способ и характер концептуализации действительности, как правило, не преследует цели сознательно оскорбить другую нацию. Сталкиваясь с иной структурированной картиной мира, с другими морально-этическими ценностными ориентациями определённого социума, стереотипы восприятия «чужого» мобилизуют общественное мнение своей страны, формируя негативный имидж другой нации, «что неизбежно обедняет и сужает сферу интересов адресата и эффективность культурного диалога» (Гришаева Л.И. [27], Чугров С.В. [51]). В данном случае национальные стереотипы используются без поправки на специфику межкультурного общения, на разницу в картинах мира, на иерархию ценностей, значимых для различных социумов. Следовательно, встаёт вопрос о влиянии национальных стереотипов при восприятии адресатом сообщаемой информации, поскольку «каждый член социума вынужден руководствоваться стереотипами, актуальными в данном обществе, даже если он их не разделяет» (Гришаева Л.И. [27]). В свою очередь, средства массовой информации концептуализируют национальные стереотипы и облечают их в концептуальные метафоры, по средствам которых воздействуют на сознание своих адресатов.

1.3 Концептуальная метафора в политическом дискурсе

Важнейший для политической лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Во французской лингвистике термин «дискурс» может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. Разнообразны определения дискурса и в российской науке: он понимается как «творимый в речи связный текст», как «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения». (Карасик В.И. [35])

Как показывают специальные обзоры, в современной науке не существует единого понимания и видового термина «политический дискурс». Политическая жизнь, определяющая восприятие текста, максимально многообразна. В связи с этим в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст, репутация издания, в котором он опубликован. Изучение политического текста и его элементов в дискурсе – это, прежде всего, исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Многие лингвисты, среди которых: О. С. Ахманова, И. Р. Гальперин, З.Я Тураева, считают, что текст - это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет лингвосоциальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики.

Таким образом, современная политическая метафора является важным компонентом современной публичной речи политиков всех рангов, а потому – это перспективное направление в рамках когнитивной лингвистики.

Метафора даёт нам возможность понимать абстрактные, неизвестные области опыта, выстраивая аналогии и ассоциации между разными системами понятий. При этом одна и та же область может быть представлена посредством нескольких концептуальных метафор, что позволяет различать основные типы метафор (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер):

- Структурные метафоры, основанные на концептуализации отдельных областей путём переноса на них структуры другой области;
- Онтологические метафоры, категоризирующие абстрактные сущности, путём очерчивания их границ в пространстве;
- Метафора «передача информации», представляющая процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения, по «каналу», связывающему говорящего и слушающего;
- Ориентационные метафоры, структурирующие несколько областей и задающие общую для них систему концептуализации. Они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх-вниз», «внутри-снаружи», «глубокий-мелкий», «центральный-периферийный» и др.;
- Метафора «контейнер», представляющая смыслы как «наполнения контейнеров»;
- Метафора «конструирование», представляющая смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов (Краткий словарь когнитивных терминов [55]).

Отличаясь принципом порождения аналогий между мыслительными пространствами (областями чувственного или социального опыта), все вышеперечисленные концептуальные метафоры обладают едиными свойствами и функциями. Рассмотрим основные из них:

Исходя из утверждения А. Ричардса и Дж. Лакоффа о метафоричности человеческого мышления, принимая во внимание ведущую роль метафоры в «вызревании мысли» на переходе от конкретного в опыте и деятельности – к абстрактному и сложному, мы не можем не отметить способность метафоры к **концептуализации** действительности (Лакофф Д. [11]). Иными словами, метафора в процессе формирования новых знаний и структуризации старых создает концепт – «единицу сознания любого уровня абстрактности и сложности» (там же). Концепт, как отмечает Е. С. Кубрякова, отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» (Краткий словарь когнитивных терминов [55]). Процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации: являя собой классификационную деятельность, они различаются вместе с тем по конечному результату и/или цели деятельности. «Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство»...«в более крупные разряды» (там же).

Способность метафоры упорядочивать воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми является одним из фундаментальных свойств метафоры. Используемое в концепции Дж. Лакоффа понятие **категоризации** – это попытка ответить на вопрос о когнитивной деятельности человека, о том, «на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм её движения в определённые рубрики» (там же). Отходя от традиционного аристотелевского понимания категорий, Дж. Лакофф отказывается от представления о том, что разделение на категории существует априори в предметном мире. «Категоризация является результатом мыслительной деятельности человека» (Беляевская Е.Г. [22]).

Метафора как одна из форм концептуализации выражает и формирует новые понятия (концепты) и новое знание путём «наведения» новой категоризации на действительность или на её отдельные фрагменты (Лихачёв Д.С. [12]). Отождествление метафоры с механизмом получения выводного знания путём категоризации приводит нас к иному её свойству, а именно к способности концептуальной метафоры **моделировать действительность**. Ибо, как отмечает Дж. Лакофф, изменяя представление о сути категорий, мы меняем по существу и представление о мире (Lakoff G. [12]). Когнитивные процессы, ведущие к категоризации, формируют «видение» фрагмента действительности, но при этом они не осознаются носителями языка как самостоятельный феномен.

Другим значимым свойством концептуальных метафор является их **системность**, что позволяет им объединяться в модели. Описывая механизмы мышления и образование концептуальной системы человеческого сознания, метафорическая модель основана, главным образом, на восприятии, на движении нашего тела, на физико-социальном опыте человека. Из этого следует особенность метафорической модели: она является результатом естественной, а не научной категоризации действительности. Кроме того, Д. Лакофф, М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живём» отмечают такое свойство метафорических понятий, как способность «освещать» и «затемнять» (там же). Иными словами, осмысливая некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (напр., В. Путин - монарх), мы затемняем другие аспекты данного понятия (напр., монарх может быть и хозяином).

Согласно принятому в теории когнитивной метафоры определению, метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «**X – это Y**». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие» (Чудинов А.П. [16]). Метафорическая модель представляет собой

исходную понятийную область и новую понятийную область, которая обычно сохраняет не только структуру исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника.

Метафорическая модель, являя собой абстрактную концептуальную схему действительности, содержит определённую структуризацию признаков этой действительности. Способность выделять те признаки объекта, которые выдвигаются на первый план, фокусировать внимание человека на том или ином признаке основана на фреймово-сценарной структуре метафорической модели. Заимствованные из теории представления знаний, фрейм и сценарий – это способы представления стереотипного знания в языке, это «фрагменты языковой картины мира», конструирующие определённую концептуальную сферу (Чудинов А.П. [52]). И если «сценарий – процедурный способ представления знаний, формулируемый в терминах алгоритма или инструкции» (Баранов А.Н. [54]), то «фрейм является декларативным способом представления знаний, формулируемым в терминах дескрипции». (напр., фрейм дома, стола, движения) (Краткий словарь когнитивных терминов [55]).

Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Ещё М. Минский, определяя фрейм, особо подчёркивал, что зрительный образ ситуации, стоящей за фреймом, - это не живое зрительное впечатление, но некоторое типизированное мысленное представление, «стереотип», который в дальнейшем послужит своеобразной точкой отсчета для интерпретации «реальных» ситуаций, с которыми человек имеет дело в действительности (Минский М. [42]).

Таким образом, фреймы организуют, «категоризируют» как наше понимание мира в целом, так и наше обыденное поведение. При восприятии какой-либо информации человек использует уже готовые структуры, облегчающие восприятие, запоминание, и хранящиеся в его «банке данных» до тех пор, пока в них не возникает необходимость, а при возникновении чего-то нового – автоматически производит выбор наиболее похожей схемы для

сличения нового с уже имеющимся в памяти.

Формально фреймы представляют в виде структуры узлов и отношений. Вершинные уровни фреймов фиксированы и соответствуют определённым понятиям, ниже этих узлов – терминальные узлы или слоты конкретизирующие фрейм.

Что касается языкового представления знаний и фреймов как единиц знания, то, анализ отношения различных направлений в когнитивном подходе к семантике слова показывает, что «слово несёт информацию не только об обозначаемом, но и о связи этого обозначаемого с другими объектами и явлениями материального мира, а также информацию о соотношении данного обозначения с другими обозначениями, функционирующими в языке», а, следовательно, за значением слова стоит некоторый блок или «квант» знаний, и к слову применимо понятие фрейма (Беляевская Е.Г. [22]). А поскольку язык в целом, являясь одним из важнейших способов организации знания, во многом представляет собой именно систему фреймов (Минский М. [42]), аппарат фреймов, используемый в когнитивной лингвистике, позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления.

Язык фреймов, обладая помимо вышеперечисленных свойств способностью экономить усилия, сводя любую уникальную ситуацию к стандарту, в которой воплощен предшествующий опыт человека, не делая различий между лингвистической и экстралингвистической информацией, позволяет в ёмкой и компактной форме описать любой фрагмент действительности, и, следовательно, удобен для характеристики метафорической модели. В ходе нашего дальнейшего исследования мы будем обозначать фрейм именем понятия, а слоты – именами тех признаков, которые формируют это понятие.

Выявленные свойства концептуальной метафоры определяют её основные функции. Назначения метафоры столь многочисленны, что перечисление всех её функций привело бы к излишнему нагромождению и

путанице (см. полную классификацию Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. [54]; Чудинов А.П. [52]; [16]). В рамках нашего исследования функционирования метафоры в дискурсе масс-медиа особое значение имеют функция «наведения» новой категоризации на действительность (в терминологии А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова), моделирующая, прагматическая и коммуникативная функции.

Метафора, благодаря лежащим в её основе непредсказуемым межфреймовым связям, обладает большой, креативной силой.

Результатом этого является категоризация любой абстрактной сущности, которая плохо поддаётся рациональному осмыслению.

Порождаемые метафорой концепты и категории (новое знание) формируются и актуализируются в сознании человека благодаря коммуникативной функции. Иными словами, метафора представляет новую информацию в краткой и доступной для адресата форме, через перенос знаний из знакомой области в незнакомую. Полученная путём метафоризации система знаний, формирует в сознании адресата некую модель мира, которая зачастую вместе с пониманием реальной действительности преобразует и достраивает её. Недаром моделирование – одна из основных категорий теории познания (Философский энциклопедический словарь [56]). «Важная роль отводится при этом процессам концептуализации и категоризации, основным характеристикам метафоры, обуславливающим решение задач переработки «новой» информации с привлечением индивидуальной концептуальной системы, использованием опор и выводного знания в процессе смыслообразования» (Мишланова С.Л. [43]).

Помимо моделирующей функции, характерной для концептуальной метафоры является прагматическая функция. Таким образом, метафора акцентирует определённые эмотивно-оценочные смыслы при её восприятии. Адресант осознанно воздействует на процесс концептуализации действительности у адресата, отбирая то или иное языковое средство реализации своей интенции и активизируя в сознании определённые комплексы сведений с соответствующими оценочными суждениями. «Одного и того же

человека за одни и те же действия можно назвать «повстанец», а можно – «террорист», «киллер», «убийца», «рэкети́р», «вымогатель» и т. д.» (Гришаева Л.И. [27]). Хотя не исключена и «неосознанная» оценочность метафоры в силу освещения одних аспектов понятия через затемнение других (Лакофф Д. [11]). Таким образом, метафора, «опираясь» на вербально и невербально закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах, является «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия» (Чудинов А.П.[16]). Прагматические смыслы, актуализируемые в метафорах, обнаруживают определённую системность. Так, в ориентационных метафорах в классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона оценочный смысл «хорошо» связан с понятием верха, а плохо – с понятием низа (Лакофф Д. [11]): высокий ум, мысль, цель и низкий человек, мысль, цель.

В концепции Ю. Д. Апресян реакции души, недоступные прямому наблюдению, уподобляются тому, что может наблюдаться непосредственно – реакциям тела (Апресян Ю.Д. [2]). Страх передаётся через холод, отвращение – через неприятный вкус, страсть – через жар: ср., кровь стынет в жилах, плевать от отвращения, горячка страсти и т. д. В метафорах отражается ценностная символика цвета; к примеру, обозначения «розовый» и «золотой» образуют в определённой системе ценностей метафоры с положительной коннотацией: «в розовом свете, золотое детство» (Вольф Е.М. [25]).

Подводя итог, следует отметить, что концептуальная метафора представляет собой своего рода «русло, по которому привычно движется бессознательная творческая активность всенародного сознания, и дискуссионное поле, творческая лаборатория по созиданию образа мира у человека» (Лихачёв Д.С. [12]). Следовательно, анализируя метафору, можно определить те аспекты картины мира, которые непосредственно проникают в структуру языковых единиц при помощи сценариев, фреймов, слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области и влекущих за собой особое постижение, рубрикацию, оценку фрагмента действительности.

В заключение отметим еще раз, что присущие концептуальной метафоре свойства играют каталитическую роль в осмыслении и категоризации мира, в становлении и формировании определённой языковой картины мира. А поскольку языковая картина мира обладает национальной специфичностью, ибо любая речемыслительная деятельность человека соотносится с той национальной картиной мира, внутри которой человек существует, с морально-этическими ценностями, зафиксированными социальными институтами и представленными в концептуальной картине мира каждого члена определённого социума, метафора позволяет проникнуть и понять иное национальное самосознание, являясь универсальным средством подачи информации путём переноса знаний из знакомой, конкретной области в абстрактную, неизвестную.

Выводы по главе 1

Представленный в настоящей главе анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Нация есть определённая ступень в развитии человечества. Она обладает рядом характеристик, выявляющих её своеобразие. Более того, каждой нации присуще свое виденье, отражение мира (национальная картина мира). Все нации воспринимают единый мир, но представляют его по-разному. Множество факторов (менталитет народа, его традиции, символы, культура, климат, язык...) влияют на восприятие и концептуализацию мира в сознании человека и ведёт, таким образом, к созданию национальной картины мира, единой для данной совокупности людей. Наименее изменчивый пласт культуры – то, что мы назвали ценностями – имеет одинаковую структуру для всех наций. Но в рамках каждой из них эти ценности понимаются по-разному, имеют свой акцент и, как следствие, создают неповторимость национальной картины мира.

2. Стереотипы, будучи одним из способов упрощенного представления и восприятия действительности, влияют на успешность межкультурного

общения. Национальные стереотипы выступают своего рода «понятийными орудиями», отражающими прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о других национальных общностях определёнными способами; и они способствуют увековечению этих способов в силу таких своих свойств, как схематичность, устойчивость, малоизменчивость. По мере того как общество меняется, национальные стереотипы могут также постепенно видоизменяться и отбрасываться, но этот процесс происходит крайне медленно. Национальные стереотипы никогда полностью не «детерминируют» мировоззрение общества, но очевидным образом оказывают на него влияние (путём конструирования «образа врага» или «образа друга»).

3. Деление национальных стереотипов на авто- и гетеростереотипы отражает осознание человеком «чуждости», то есть выделение «своего» и «чужого» и формирование предвзятого, настороженного отношения ко всему, что выходит за рамки культурно обусловленных морально-этических ценностных ориентаций данного социума.

4. Взаимосвязь и взаимозависимость языка и образа мышления человека ведёт к определённому способу организации действительности в языке – языковой картине мира, которая, являясь подсистемой в национальной картине мира, обладает национально-культурным своеобразием, наряду с такими её чертами, как «наивность», антропоцентризм, эгоцентризм, системность. С одной стороны, языковая картина мира отражает и передаёт не только образ жизни, но и образ мышления, характерный для некоторой данной нации. С другой стороны, она воздействует на содержание мышления носителей языка, влияет на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности.

5. Языковая картина мира каждой культуры обладает внутренней целостностью, «живёт» по своим законам. Попадая в иную языковую картину мира, чужеродная общность подчиняется этим законам и определённым образом изменяется.

6. Одним из механизмов моделирования, категоризации и концептуализации внеязыковой действительности в языке является метафора.

Показывая вновь познаваемое через уже познанное, абстрактное через конкретное, незнакомое через очевидное метафора синтезирует новые концепты и создаёт новый образ реальности, активизируя закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах человеческого мозга.

7. Метафора как лингво-когнитивное явление обладает способностью создавать ментальную модель действительности, отражаемую в языке вообще и в головах конкретных носителей языка в частности. Следовательно, она служит эффективным средством понимания не только того, как мы смотрим на мир, членим и оцениваем его, но и того, как мир смотрит и оценивает нас.

8. Способность концептуальных метафор образовывать сложные системы позволяет им объединяться в модели. Метафорическая модель, являясь абстрактной концептуальной схемой действительности, содержит определённую структуризацию признаков этой действительности и, как следствие, активизирует в сознании адресата комплексы знаний и сведений с ярко выраженными эмотивно-оценочными смыслами.

9. Использование языка фреймов для структурирования метафорической модели представляется оптимальным, поскольку фреймы являются своеобразными «упаковками знания», с одной стороны, о внеязыковой действительности (аппарат фреймов позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления), с другой стороны, о собственно языковой системе, так как за значением каждого слова стоит определённый прототипичный фрейм.

Глава 2. Метафорическое представление Российской действительности в англоязычной прессе

В данной главе представлены яркие метафоры, демонстрирующие отношение западных стран к событиям происходящим в России в период правления президента В.В. Путина. «Путинская» Россия рассматривается в свете британских и американских СМИ с точки зрения когнитивного аспекта политической лингвистики. Стоит отметить, что многие метафорические модели находят своё отражение в креализованном тексте политического дискурса, так называемых политических карикатурах.

Западные СМИ возмущает вектор развития России, который они охарактеризовывают как «антидемократический», в связи с чем большая часть рассмотренных нами метафор, концептуализирующих образы президента, Кремля и России, направлены на дискредитацию страны в целом. Следующие примеры основываются на концептуальной метафоре ВЕКТОР РОССИИ – АНТИДЕМОКРАТИЯ, понятийная сфера которой остаётся не развитой. Данная метафорическая модель находит своё отражение в креализованном тексте политического дискурса (см. Приложение 1 рис. 4)

“President Obama ramped up his criticism of what he see as Mr. Putin’s backsliding on democracy.” (Президент Барак Обама критикует то, что он называет скольжением назад господина Путина от демократии.) (The Washongton Times [71]);

Метафора ускользающей от демократии России, созданная президентом США и распространённая западными СМИ, имеет неопределённый прагматический смысл, как и сам термин «скольжения». Она не инициирует международный скандал, но тем не менее, противопоставляет Россию и США страну-приверженцу демократии и прав человека в лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ.

“So what Russia has now is an infantile democracy built through Soviet tools, and the freedom to shop... It takes only a moment for the fragility to show.” (И что

же Россия имеет на сегодняшний день? Это выстроенная советскими средствами детская демократия, и свобода ходить по магазинам... Одно неловкое движение и хрупкость такой системы проявит себя). (The Guardians [63]).

Прагматический потенциал метафорической модели РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – РЕБЕНОК, созданный британскими журналистами, направлен на формирование снисходительного отношения к ней, а так же на возбуждение интереса к тому, как такая демократия будет развиваться. Таким образом, внимание и интерес читателя акцентируется на наблюдении за Россией и соответственно сопоставлении ее с собой, что может привести к идеологии постоянного сравнения, где Россия будет выступать как антипод демократического государства. Похожая ситуация сложилась в СССР, когда политический дискурс был направлен на противопоставление России западу.

В политическом дискурсе Великобритании и США, существуют журналисты выступающие в защиту России, которые не боятся использовать прямолинейные номинации, утверждающие, что дискредитация России, в западной прессе и политике, есть ни что иное как дискриминация по национальному признаку. Так Статья, опубликованная The Guardian 4.12.2006 года, называется *In bed with Russophobes* («В постели с русофобами»). Автор данной статьи разрушает, сформированные в национальном сознании негативные стереотипы.

“Any Russian involvement in the affairs of its neighbours has been spun as an attempt to recreate the «evil empire».” (любое участие России в делах соседей, предвзято подаётся как попытка воссоздать "империю зла".); (The Guardians [63])

“Every measure Putin has taken has been portrayed by the Russophobes as the work of a sinister totalitarian.” (Любые принимаемые Путиным меры русофобы изображают как дело рук зловещего деспота.) (там же).

Формируемые в политическом дискурсе запада образы РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА, и ПУТИН – ДЕСПОТ в данном случае выступают в качестве

необоснованных, и, следовательно, несостоятельных метафорических моделей. В результате изменения значения, направление их концептуального вектора меняется на обратное, что заставляет реципиента усомниться в честности тех, кто целенаправленно создает ложные образы.

Однако, следует отметить, что метафорические модели РОССИЯ – СТРАШНАЯ СТРАНА, и ПУТИН – ДЕСПОТ являются весьма распространенными в политическом дискурсе Великобритании.

“However, Mr Putin has reasserted the Kremlin's authority by riding roughshod over the rights of others, including businessmen, journalists and regional governors.” (Тем не менее, господин Путин восстановил власть Кремля, деспотически раздавив [верхом на лошади, подкованной шипами] права всех остальных – в том числе бизнесменов, журналистов и губернаторов регионов.) (The Financial Times [62]);

“But, whoever is behind the recent spate of killings, Vladimir Putin's Russia looks like an increasingly sinister place”. (Но кто бы ни стоял за нынешней волной убийств, Россия Владимира Путина все больше выглядит как довольно зловещее место.) (там же).

Концептуальный вектор таких эмотивно-окрашенных негативных метафор направлен на формирование в сознании реципиента страха и ужаса по отношению к России и ее лидеру. Поддерживаемый журналистами образ, а, следовательно, и сферы-мишени метафорической экспансии вызывают резкое отторжение читателем ввиду своей агрессивности.

Удивительно, что американские СМИ не торопятся навесить на Россию и ее президента подобные штампы и ограничиваются сравнением с другими странами, выбирающими для себя недемократический путь развития. *“So “Russia in some ways appears a little like China, where the economy flourishes with new freedom but politics remain tightly controlled. Or in other ways, it seems like Hugo Chavez's Venezuela. Or Augusto Pinochet's Chile. Or all of the above. There was a reason the old monarch was called the Czar of All Russias.”* (В некотором смысле Россия чем-то напоминает Китай: где экономика пользуется свободой и

процветает, а политическая сфера остается под жестким контролем. В чём-то Россия напоминает венесуэльский режим Уго Чавеса, или чилийский – Аугусто Пиночета, или даже все их вместе взятые. Недаром в старину монарха называли “Царем всея Руси” (The Washington Post [70]).

Следует отметить, что сфера источник монархия часто привлекается как американскими, так и британскими СМИ для метафорической экспансии образа России и ее правителя.

“Could the poisoner be from Prince Putin's court?” (А не со двора ли князя Путина отравитель?) (The Times [68]);

“Russia does not have a government; it has a prince, and a court riven by factions trying to win access to the resources they crave.” (У России нет правительства; у нее есть князь и двор, расколотый на фракции, которые пытаются заполучить доступ к желанным ресурсам.) (там же);

“For all the “power” he has engrossed, Putin cannot impose coherence on his squabbling entourage, which is why Russia remains badly governed.” (Несмотря на всю ту власть, которую сосредоточил в своих руках Путин, он не может навести внутренний порядок и создать согласованность в действиях своей вздорной свиты.) (там же);

“Vladimir Ryzhkov, an independent member of parliament, says that Mr Putin may see himself as an emperor, but not as a Fuhrer.” (Независимый депутат российского парламента Владимир Рыжков говорит, что Путин, возможно, видит себя императором, но никак не фюрером.) *Again, Russia is waiting for Godunov.* (И вновь - Россия ждёт Годунова). (The Financial Times [62])

Монархические метафорические модели РОССИЯ – МОНАРХИЯ, ПУТИН – ЦАРЬ, так же отражается в креализованных текстах политического дискурса (см. Приложение 1), и свидетельствуют о том, что о России до сих пор судят, опираясь на её историческое прошлое. Царственные особы в государстве Российском на протяжении всей истории возвышались над народом, были недоступны, недосягаемы и богоподобны для Русского народа, им повиновались и воздвигали в ранг богов. В политическом дискурсе США и

Великобритании часто выстраивается концепт царской России и её верховным правителем В.В. Путиным. Западные СМИ приводит в недоумение тот факт, что, рейтинг Путина в России необычайно высок, даже на фоне тотального контроля сверху и тягостям которым подверженное население, следовательно, этот народ выбирает для себя именно такого правителя. Ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть. Хотя надо заметить, что «очарованны» харизматичным «самодержцем» России не только россияне, но и лидеры других государств.

“Mr Putin has exercised a strange fascination over his western colleagues. Goerge W. Bush famously suggested that he had glanced into his Russian counterpart’s soul and liked what he had seen.” (Господин Путин вызывает странное восхищение у своих западных коллег. Широко известно заявление Джорджа Буша о том, как он заглянул в душу своему партнеру, и увиденное там ему понравилось.) (The Economist [61]);

“Others to fall for the charming Russian president have been Messrs Chirac, Schroder and Silvio Berlusconi of Italy.” (Чарам российского президента поддались также Ширак, Шредер и итальянец Сильвио Берлускони.) (там же);

“There are no longer any excuses for infatuation with Mr Putin. But it is usually unwise to swing straight from adoration to loathing. Mr Putin may not be a soulmate. But he is not an enemy of the west either.” (Больше для такой безрассудной страсти к Путину не существует оснований. Однако было бы неразумно напрямую переключаться с обожания на отвращение. Возможно, Путин и не душевный друг. Но он и не враг для Запада. (там же)

Метафорические модели ПУТИН – ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ, ПУТИН – НЕ ВРАГ отражают положительное восприятие президента России как «героя дня без галстука». Прагматический смысл данных метафорических моделей соприкасается с психологией межличностных отношений влюбленных или любящих супругов. Концептуальный вектор данных метафор направлен на создание чувства уверенности в человеке, восхищения им и счастья оттого, что

он всегда рядом.

“Engaging Russia, as Mr. Bush says he wishes to do, means dropping gratuitous insults about its lack of democratic virtues. Such advice is best rendered in private. Russia is at a crossroads.” (Обручится с Россией, как хотелось бы господину Бушу, означает отказаться от незаслуженных оскорблений относительно недостатка демократических добродетелей в этой стране. Такой совет лучше всего давать конфиденциально. Россия находится на перепутье.) (The Washington Times [71])

“The west has no choice save to continue the weary struggle to engage with Moscow.” (У Запада нет выбора, кроме продолжения изнуряющей борьбы за руку Москвы – хотя он уже и устал от этого.) (The Guardians [63]).

Переход от “любовных отношений” к “лютой ненависти” был сделан за один шаг, который находит своё отражение на страницах британской газеты The Guardians 27.11.2007 года, в статье под названием “Corruption, violence and vice have triumphed in Putin’s Russia” («В путинской России празднуют победу коррупция, насилие и порок»)

“It is precisely because we feel goodwill towards them that there is something of the bitterness of rejected courtship in our response to their recent behaviour, of which the apparent murder of Alexander Litvinenko is a bleak manifestation.” (И именно потому, что в нас есть чувство доброй воли по отношению к ним, наша реакция на их поведение, ярким показателем которого является смерть Александра Литвиненко, наступившая, вероятнее всего, в результате убийства, больше всего напоминает чувства отвергнутого влюбленного.) (The Guardians [63]);

“Instead we must confront a defiant new Russia, fortified by possession of a substantial part of the world's oil and gas reserves in an era when energy competition will be critical.” (Вместо этого мы должны бороться уже с дерзкой новой Россией, укрепившейся за счет обладания значительной частью мировых запасов нефти и газа в эпоху, когда конкуренция за энергоресурсы является особенно острой.) (там же). Данный пример наглядно отражается в

политических креализованных метафорах (см. Приложение 1 рис. 9, рис. 10)

Аналогия отношений между возлюбленными оказывается близка и понятна всем, что увеличивает прагматический эффект метафорической модели **РОССИЯ – ДЕРЗКАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ**. А концептуальный вектор данной метафоры направлен на пробуждение в подсознании человека наиболее болезненных моментов межличностных отношений, и вызывает соответствующую реакцию, либо отомстить, либо забыть и никогда не вспоминать.

“The 15-year path from the demise of Gorbachev to the rise of Putin is instructive at a time when Washington is talking about planting democracy in hard soil around the world.” (Сегодня, когда Вашингтон говорит о пересадке семян демократии в почвы всего мира, из пятнадцатилетнего пути России от заката Горбачева до восхода Путина можно и должно извлечь ценнейший урок.) (The Washington Post [70]);

“Little wonder, then, that Russian officials bristle when lectured by the West about democracy.” (Если всё это учитывать, то совсем неудивительно, что российская власть так ощетиливается, когда Запад начинает учить ее демократии.) (там же)

“Unfortunately for the Europeans, a number of their governments are cementing a relationship with Vladimir Putin’s Russia which, in effect, will make them hostages of the Russian bear. Russia already accounts for 26 percent of Europe’s gas imports.” (К несчастью европейцев многие из их правительств укрепляют (цементируют) отношения с Россией Владимира Путина, что в действительности превратит их в заложников русского медведя. Россия и так уже владеет более чем 26-ю процентами импортируемого в Европу газа.) (The Washington Times [71]).

В то время как действия Вашингтона ассоциируются с земледелием, закладыванием новой жизни на неплодородной почве мира вокруг США, Кремль и Россия снова изображаются посредством концептуальных метафор, использующих в качестве сферы источника **МИР ЖИВОТНЫХ. ЧИНОВНИКИ** России уподобляются **СВОРЕ СОБАК**, дерущихся за кость, а сама **РОССИЯ**

под руководством президента ПУТИНА – это МЕДВЕДЬ - мощный, сильный, дикий, устрашающий, способный удерживать других в плену. Отметим что Россия, в образе страшного и агрессивного медведя, является одним из наиболее частоиспользуемых концептов в креализованном политическом дискурсе (см. Приложение 1). Такие агрессивные метафоры прагматически запрограммированы на устрашение читателя. Концептуальный вектор этих метафорических моделей направлен на создание в сознании читателя образа России как рычащего и угрожающего животного.

Точкой отсчета, изменения вектора положительного отношения Британских СМИ на отрицательный, можно связать с отравлением Александра Литвиненко, которому довелось случиться на территории Великобритании. Западные СМИ незамедлительно связали этот случай с русской историей, назвав смерть Литвиненко – доброй русской традицией избавления от людей.

“The grisly death of Alexander Litvinenko by radioactivity in London has created one of the supermysteries of our time. The victim’s bizzare metamorphosis from Soviet spook to Muslim human rights champion-in-exile goes far beyond anything Le Carre would have dared, and the rest of the plot is hopelessly impenetrable.” (Вызывающая ужас смерть Александра Литвиненко в Лондоне, последствиям радиацией, стала одной из самых больших тайн нашего времени. До такого выверта, как превращение жертвы из советского шпиона в чемпиона-поборника прав человека, к тому же мусульманина, не додумался бы никакой Ле Карре; что же касается остальной части сюжета, то она вообще окутана непроходимой тьмой. (The International New York Times [64]);

“The unsolved poisoning is an old Russian tradition. Historians are still arguing about the role of poison in the death of Ivan the Terrible in 1584 – as well as in those of Rasputin in 1916 and Maxim Gorky in 1936.” (Нераскрытое отравление – это старая русская традиция. Историки всё еще спорят по поводу той роли, которую сыграл яд в смерти Ивана Грозного в 1584 году, Распутина в 1916-м и Максима Горького в 1936-м). (The Financial Times [62])

Возведение отравления в ранг СТАРОЙ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

осуществляется с очевидной целью манипуляции сознанием читателя, поскольку направлено на формирование недоверия к стране и народам, живущим в ней, и желания держаться в стороне от страны с такими жуткими традициями.

В британских СМИ часто пишут о том, что Россия охвачена серьезным психическим заболеванием. Представление РОССИИ как ДУШЕВНО БОЛЬНОГО ОРГАНИЗМА свидетельствует об отношении к России как к умственно неполноценному организму, подверженному устойчивому бреду. С такой страной исключены серьезные дела и отношения, т.к. она больна, нуждается в изолировании от общества и лечении.

“Western revulsion from Russian behaviour, including the murder of Litvinenko, merely feeds Russian paranoia.” (Отвращение Запада, порождаемое поведением России и в том числе убийством Литвиненко, лишь подкармливает российскую паранойю.) (The Guardians [63]);

“Putin can never know how popular he truly is, so instead paranoia sets in, the Kremlin stifling anything that could upset his dominance of the political scene.” (Путин не знает точно, насколько он в действительности популярен, поэтому у Кремля начинается паранойя и он душит на корню все, что можно противопоставить господству Путина на политической арене.) [там же].

Другим распространенным образом, используемом для разоблачения и уничтожения России в политическом дискурсе западных стран, является метафорическая модель РОССИЯ – БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, опасное место, где торжествуют коррупция и порок.

“Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia” (В путинской России празднуют победу коррупция, насилие и порок.);

“Instead, to our bewilderment, Russia is institutionalising a state gangster culture which promises repression and ultimate economic failure for itself, fear and alienation from the rest of the world.” (Как бы там ни было, Россия, к нашему полнейшему замешательству, возводит в ранг политики культуру государственного бандитизма, своему народу обещающую лишь

репрессии и окончательный экономический развал, а остальному миру – страх и отчуждение.) [там же];

“Who are all these Russian “businessmen,” a term that seems to cover anything from a government minister to some of the richest thieves on earth?” (Кто на самом деле все эти российские 'businessmen'? Такое впечатление, что это слово уже обозначает все что угодно – от министра правительства до одного из самых богатых мошенников на планете.) (The International New York Times [64]);

“Organized crime gangs teamed up with former KGB operatives who used their knowledge of financial conduits abroad to literally plunder the country.” (Организованные преступные группировки объединились с бывшими оперативными сотрудниками КГБ, использующими свои знания финансовых подземных ходов за границей, чтобы в прямом смысле грабить страну.) (The Washington Times [71]).

Устойчивое использование метафорической модели РОССИЯ – БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО закрепляет в сознании реципиента перманентное желание держаться подальше от этой страны. Концепт БАНДИТСКОЙ РОССИИ, подобно олицетворению с медведем, является одним из наиболее частотных для метафоризации в креализованном политическом дискурсе (см. Приложение 1). Наиболее яркие метафоры используются при упоминании о Кремле и его главных лицах, действующих не менее агрессивно, чем бандиты.

“Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as a bulldog fight under a rug: “An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out from beneath it is obvious who won.” (Политики в Кремле предостаточно, причем злой и жестокой – они просто вернулись к старым ее формам, говоря о которых, Уинстон Черчилль и употребил выражение 'схватка бульдогов под ковром': 'сначала наблюдатель слышит только рычание, а когда из-под ковра летят кости, уже понятно, кто победил.') (The International New York Times

[64]);

“So long as Putin remains strong, the men around him will appear totally loyal. Under the rug, however, the knives are already out.” (Пока Путин останется в силе, его окружение будет по-прежнему всячески выказывать ему свою верность. Однако те, кто под ковром, уже точат ножи для схватки.) (там же);

“For now it is in Putin's interest to stay out of the fray. Once he proposes an heir, after all, he's a dead duck – sorry, lame duck.” (Поэтому сам Путин сегодня больше всего заинтересован в том, чтобы ни в какие схватки не вступать: ведь стоит ему объявить, кто будет преемником – и он “мертвая утка”, то есть станет неубедительным). (там же).

Интересно, что для изображения участников политической жизни России во многих случаях прибегают к использованию сферы источника метафорической экспансии животные. **РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ – СИЛЬНЫЕ И АГРЕССИВНЫЕ ЖИВОТНЫЕ**, готовые в любую минуту напасть и убить друг друга. В этой связи кажется вполне оправданным употребление военной и морбиальной метафоры, поскольку драка животных это жестокое сражение, которое может привести к гибели участников. Однако за этим рядом метафорических образов скрываются не преступники и не заключенные, а главные политики России, и такая метафорическая экспансия очевидно дискредитирует правящую элиту России и утверждает читателя в мысли, что с политические отношения с Россией чрезвычайно опасны.

Примечательным является тот факт, что экстремальные формы поведения приписываются в американском и британском политическом дискурсах не только верхней элите российского общества, но и самому русскому народу.

“Russian responses to western failures of deference have often been indistinguishable from those of the yob on a suburban train who assaults an innocent commuter because he dislikes the way the man looks at him.” (Реакция русских на то, что Запад не выказывает по отношению к ним должного уважения, очень часто неотличима от действий хулигана в электричке, избивающего ни в чем не повинного пассажира, потому что ему не понравилось, как тот на него

посмотрел.);

“Why, having tasted freedom and democracy, should they wish to return to the murderous practices of Stalinism?” (Почему сейчас, когда русские наконец узнали вкус свободы и демократии, они решили вернуться к убийствам эпохи сталинизма?) (The Guardians [63]);

“It's easy to pick on the Russians. They miss being a world power. They seem to be up to their eyes (as always) in intrigues.” (Издеваться над русскими очень легко. Они скучают по тем временам, когда их страна была великой державой. Они полностью поглощены (как, впрочем, всегда) интригами.) (Chicago Tribune [58]).

В приведенных примерах РУССКИЕ представляются как АГРЕССИВНЫЕ ХУЛИГАНЫ, способные на необъяснимые жестокие поступки. Концептуальный вектор данного образа направлен на предупреждение бдительных и аккуратных американцев и британцев об экстремальности и неадекватности поведения русских.

“And so it follows, on the pendulum of extremes that is society here, that while the country's direction can be intensely sad and worrying, it should, just moments later, be intensely hopeful.” (Общество в этой стране – маятник, качающийся из одной крайности в другую. Если направление, в котором оно идет, вызывает печаль и тревогу – значит, через несколько секунд оно обязательно покажет блестящие перспективы.) (The Guardians [63]);

“Russians have fallen irreversibly in love with denghi – their ugly word for money – and the mobility and riches of the globalised world.” (Русские безвозвратно впали в любовь к тому, что здесь называется некрасивым словом 'denghi'. Они навсегда полюбили мобильность и блага, которые дает глобальный мир.) (там же);

“How can they acquiesce in Putin's restoration of tyranny? Here is a nation suddenly granted wealth, which might enable its people to become prosperous social democrats like us.” (Как могут русские молча соглашаться на восстановление Путиным тирании в стране? Это нация, на которую нежданно-

негаданно свалилось богатство, которое может сделать их общество таким же процветающим и социал-демократическим, как наше.) (там же).

Оригинально и свежо смотрится в политическом дискурсе метафора нечаянно СВАЛИВШЕГОСЯ на россиян БОГАТСТВА, обнажающая такое ранее неизвестное качество русского национального характера как АЛЧНОСТЬ к деньгам. Несомненно, такой образ современных русских создан с прагматической целью унижения народа России в глазах читателей. Хотя указанные характеристики являются не особенностью какой-то нации, а общечеловеческими слабостями, людям несвойственно проецировать недостатки на себя. Таким образом, русские снова оказываются ЧУЖИМИ в лингвокультурологической дихотомии СВОИ-ЧУЖИЕ.

В лучшем случае в анализируемых статьях Россия нашего времени оценивается под общим лозунгом «ни друг, ни враг». Отдельные журналисты, зачастую проработавшие в России продолжительный период времени, пытаются писать о нашей непостижимой стране в позитивном ключе, разбавляя поток уничижительных публикаций. В их статьях акцент ставится на увеличившемся благосостоянии населения страны и на изменениях мнения россиян о том, каким должно быть цивилизованное общество.

“Russia is swimming in money; its economy has grown fivefold under Putin, from \$200 billion to \$920 billion, and the once-destitute government has paid off its international debt in full and early.” (Россия буквально купаются в деньгах, за годы правления Путина ее экономика выросла впятеро – с 200 миллиардов долларов до 920 миллиардов, а правительство, еще несколько лет назад нищее, уже полностью, причем досрочно, погасило весь свой внешний долг.) (The Washington Post [70]);

В вышепредставленных цитатах, на реципиента оказывается латентное психологическое воздействие посредством метафорических моделей РОССИЯ – БОГАТАЯ СТРАНА, РОССИЯ – СИЛЬНАЯ СТРАНА, Учитывая тот факт, что в сознании западного человека, к богатству относятся как к результату колоссального труда, то концептуальный вектор метафор “купания в деньгах” и

“укрепления силы” формирует уважение к России и её обществу.

“Ostensibly these reforms are aimed at strengthening Russia's hand in fighting terrorism...” (Очевидно эти реформы направлены на укрепление силы рук России в борьбе с терроризмом.) (The Washington Times [71]).

Начиная с 2011 года широкое распространение в западных СМИ получил стереотип, представленный концептуальной моделью **РОССИЯ – ВОЗРАЖДАЮЩИЙСЯ ОТГОЛОСОК СССР**. Так же получивший широкое распространение в креализованных текстах политического дискурса (см. Приложение 1)

“The recentralization of Russia under Putin has proven that the country is not governed as a federal state, operated on the basis of the rule of law, or observant of the provisions of its own constitution. Russia remains principally the Soviet Union.” (Рецентрализация России в период правления Путина доказала, что, во-первых, Россией руководят не как федеральным государством, во-вторых, что отсутствует верховенство закона и в третьих, не соблюдаются положения конституции данной страны. Россия принципиально остается Советским Союзом.) (The Times [68]);

“Boris Yeltsin quickly began to weaken the legislature and re-assert Kremlin control. His successor Putin, who watched the Soviet Union collapse as a KGB officer stationed in Germany, has hurried this process along.”(Борис Ельцин быстро начал ослаблять законодательную ветвь власти и вновь утверждать контроль Кремля. Его преемник Путин, который (наблюдал за распадом Советского Союза, будучи офицером КГБ в Германии), продолжает этот процесс.) (там же)

“Today, there is no clear idea of where the authorities want to take the country, no idea of what kind of Russia is being built on the ruins of the Soviet Union.” (Сегодня неясно, куда власти собираются привести свою страну, и какая Россия строится на руинах Советского Союза). (The Washington Post [70])

Снова при помощи метафоры в номинативной функции, возникает образ строящегося дома, возникающего на руинах старой постройки. Англоязычные

журналисты задаются вопросом, какой же станет Россия после распада Советского Союза. Однако через пару лет они все же дают ответ своим читателям на этот вопрос.

“Today Vladimir Putin seems bent on re-establishing the old USSR, even if he’s replacing the Marxist-Leninism of the old Soviet order with the market-Leninism of today’s Russian oligarchs” (Похоже, что сегодня задачей Владимира Путина является воссоздание СССР, пусть даже с заменой марксизма-ленинизма, существовавшего при Советском строе на рыночный ленинизм с сегодняшними российскими олигархами.) . (*The Washington Post* [70]);

“The U.S.S.R. vanished, but the old nomenklatura, and its venal, authoritarian style of governance remained. Mr. Putin is explicitly drawing on that heritage and fitfully trying to reshape it into a new state capitalist system that can compete and flourish globally.” (СССР исчез, но старая номенклатура и коррумпированный, авторитарный режим правления остались. Владимир Путин открыто использует это наследие и судорожно пытается переделать его в новую капиталистическую систему, которая может соперничать и процветать в мировом масштабе.) (*The New York Times* [66]);

“Russia using tools dusted off from the days of the USSR.” (Россия использует древние методы, которые перекочевали со времен Советского Союза). (*LosAngelesTimes* [59])

В данном примере метафора указывает на использование старых материалов. Чтобы это доказать обратимся к определению лексемы «dust off»: to make something usable after it has not been used for a long time. Исходя из определения, можно также сделать вывод, что материал этот использовался долгое время. В следующем примере подобная метафора с лексемой «hark back» – to return to an earlier subject, point, or position, as in speech or thought также подтверждает образ старости и дряхлости материала.

“Banning swearwords harks back to the glory days of the USSR, and at the same time deprives his opponents of an effective means of criticism — nothing communicates strong opposition like a well-placed [expletive].” (Запрет на

использование нецензурной лексики уходит корнями в счастливые деньки существования Советского Союза, и в то же время лишает его противников эффективного способа критики - ведь ничто так не передает острое несогласие, как уместно вставленное [нецензурное слово]. (The Washington Post [70])

А события на Украине воспринимаются, как первые попытки воссоздать Советский Союз.

“During this period of stunning upheaval and chaos, where Russian actions in Ukraine are reminiscent of a bygone era of Soviet rule, we have arrived at a crossroads for the international order.” (В период ошеломляющих потрясений и хаоса, когда действия русских в Украине напоминают об ушедшей эре Советской власти, мы выступаем за то, чтобы навести международный порядок.) (The National Interest [65])

“Many political analysts fear this is just Putin’s first step to restore the full size and power of the Soviet Union.” (Многие опасаются того, что это лишь первый шаг Владимира Путина по воссозданию Советского Союза с его прежними размерами и мощью). (The American Spectator [60])

“While 40,000 Russian troops are posing along Ukraine’s border according to NATO Secretary General Rasmussen, the Ukraine may only be the first step for Russian president Putin to become president of a new Soviet Union.” (В связи с тем, что 40000 российских войск находится вдоль российско-украинской границы, по словам генерального секретаря НАТО, Андерса Фог Расмуссена, события на Украине могут быть лишь первым шагом российского президента Владимира Путина на пути становления президентом нового Советского Союза.) (The International New York Times [64])

Кроме того, англоязычному читателю дают понять, что воссоздание Советского Союза - это мечта президента Владимира Путина, который привык добиваться поставленных целей. И если ранее статьи журналистов звучали лишь осуждающе, то теперь в их словах появились нотки страха из-за неизвестности того, что будет дальше.

“Why stop at Crimea? How Putin uses “political myth” to persuade his people

they have every right to rebuild their former empire. After the Russian anschluss in Crimea last week, people around the world are asking themselves uneasily: How far will Moscow go? What does Russian President Vladimir Putin really want?” (Зачем останавливаться на Крыме? Как Владимир Путин использует “политический миф”, чтобы убедить свой народ в том, что у него есть полное право воссоздать свою прежнюю империю. После присоединения Крыма на прошлой неделе, люди тревожно задаются вопросами: «Как далеко пойдет Москва? Чего на самом деле хочет президент России Владимир Путин?»). (The American Spectator[60])

Метафора «anschluss in Crimea» в данном примере воспроизводится в когнитивной функции. Понимание данной метафоры требует дополнительного набора знаний. Anschluss - the occupation and annexation of Austria into Nazi Germany in 1938. Таким образом автор проводит параллель между двумя данными событиями, сравнивая Россию с нацистской Германией. По средствам данной метафоры у читателя возникает ряд дополнительных ассоциаций вокруг указанных событий, а именно: жестокость политики России, применение фашистских методов, Россия – угроза для всего мирового сообщества.

“Russian’s version of a diplomatic solution is the potential break up of Ukraine and the first step in Putin’s ultimate goal: the reassembling of the former Soviet Union.” (Российская версия дипломатического решения проблемы - это потенциальный распад Украины а первый шаг на пути к выполнению главной цели Владимира Путина – это воссоздание прежнего Советского Союза.) (The Sun[67])

Прагматический потенциал высказываний, представленных в американской газете The New York Times, направлен на формирование восприятие России, не просто как БАНДИТСКОГО – ГОССУДАРСТВА, но и как ОСОБО ЖЕСТОКОГО РЕЦИДИВИСТА.

«Oleksandr Turchynov, secretary of Ukraine’s national defence council, described the incident as “another bloody crime” against humanity committed by the Russian military and the bands of terrorists under their complete control».

(Александр Турчинов, секретарь национального совета по защите Украины, описывает инцидент как еще одно кровавое преступление против человечества, совершенное Россией) (The New York Times [66])

"Vladimir Putin is the Slobodan Milosevic of the former Soviet Union: as bad, but bigger. Behind a smokescreen of lies he has renewed his drive to carve out a puppet para-state in eastern Ukraine" (Владимир Путин это Слободан Милошевич бывшего Советского Союза, только еще хуже. За дымовой завесой лжи он продолжил вырезать марионеток «пара-государства» в восточной Украине». (там же).

Сравнивая В. Путина со Слободаном Милошевичем, автор статьи дает резкую негативную оценку деятельности данного политика. Ситуация с Украиной часто сравнивается с событиями в Косово в европейской прессе и в целом репортажи, связанные с событиями на Украине, содержат немало отсылок к событиям в Югославии. Такие метафоры создают яркие образы жестоких конфликтов, масштабного кровопролития, в какой-то мере геноцида. Такие сопоставления и аллюзии, несомненно, выставляет Россию, как главного врага не только Украины, но и Западных стран. Очевидно, что подобные метафоры направлены именно на манипуляцию общественным мнением западной аудитории. Метафоры во втором предложении приведенного выше примера усиливают негативную аналогию и формируют у читателя резкое отрицательное отношение к политике президента Путина.

В следующих примерах описывается милитарное вмешательство России, во внутреннюю политику Сирии. Такая интервенция, строится на когнитивной модели ПОРЧА – СЛАЖЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ, концептуальный вектор таких метафор, воспроизводит в сознании реципиентов, хорошо знакомую когнитивную модель РОССИЯ-ВАРВАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

"An attempt by Russia and Iran to prop up (Syrian President Bashar) Assad and try to pacify the population is just going to get them stuck in a quagmire and it won't work," Obama said; (Стараясь помочь президенту Сирии Башару Эль Ассад, и пытаясь успокоить местное население, Россия и Иран, поставили их в

затруднительное положение [завели в зыбучее болото], и это не срабатывает.)
The Syrian leader appeared more threatened last summer than he had been in years, as American-backed and Islamist insurgents coordinated more effectively and began to threaten his coastal strongholds. But the Russian intervention turned the tables.
(Прошлым летом, Сирийский лидер начал представлять более серьёзную угрозу, нежели на протяжении тех лет, когда поддерживаемые Америкой Исламистские повстанцы, координировались более эффективно, и представляли угрозу для прибрежных крепостей Асада. Но Российская интервенция нарушила все планы. (The Guardians [63])

Концептуализируя политическую реальность действий на Украине, западными СМИ используется модель ПОЛИТИКА – это ИГРА, удивительно что, с одной стороны, власти Соединённых Штатов Америки высылающие войска, предстают в положительном свете, а с другой стороны, войска России, той самой «империей зла» вмешивающейся в дела соседей.

Сравнивающие события на Украине с опасными азартными играми: «The high-stakes poker game over east Ukraine continued on Monday, with US officials floating the idea of sending lethal military assistance to the government in Kiev, while Russia-backed separatists announced a plan to mobilize a 100,000-strong army» (В понедельник продолжилась покерная партия с высокими ставками, за восточную Украину, власти Соединённых Штатов поддерживают идею выслать смертоносные войска в поддержку правительства Киева, в то время как, поддерживаемые Россией сеператисты, объявили о планах мобилизовать сотысячную армию) (The New York Times [66]).

Данная метафора не только показывает украинский кризис с позиций выигравших – проигравших, но и обозначает, какие рискованные и агрессивные «ставки» делают политики в этом соревновании.

Из анализа метафорических примеров очевидным представляется вывод о том, что основной целью образной характеристики России, описываемой в связи с конфликтом на Украине и в Сирии западными СМИ, является создание

образа России как наиболее опасной политической силы в данном конфликте и усиление негативного отношения читателей этих публикаций к России в целом.

И успех одержанный Россией на олимпийских играх в Сочи 2014, как выражаются западные СМИ «испарился», в связи с присоединением Крыма, который за рубежом считают «силовым».

«Within a month, Russia had annexed Crimea, and any international goodwill accrued by the Olympics was vaporised and then some, as Russia and the west entered their frostiest period of relations since the end of the cold war.» (В течении месяца Россия присоединила Крым, и вся международна благосклонность приобретённая в связи с Олимпиадой испарилась. Отношения России и Запада, вернулись к временам «холодной войны»). (The Guardians [63])

Стоит отметить явно выраженную негативную направленность метафор, представляющих Россию для западного читателя, посвященных России, направлены на формирование негативного образа России, что составляет 81%. 14% составляют нейтральные метафоры не дающие эмотивно-окрашенной характеристики как таковой, и всего 5% проанализированных метафор дают коннотативно-позитивную характеристику, но это скорее исключение, использующегося журналистами пытающимися развенчать национальные стереотипы.

Выводы по главе 2

На основе анализа рассмотренных материалов, можно сделать следующие выводы о использовании метафорических моделей, представляющих политическую реальность России в дискурсе западных СМИ:

1. Западные масс-медиа пристально наблюдают, за Российскими реалиями происходящими на политической арене. Тем не менее, в общенациональных публицистических издания, зачастую, отражается лишь информация, которая может дать экспрессивную оценку. В основном

американские и британские газеты освещают яркие события, среди которых: личность и политические приоритеты президента Российской Федерации, политический вектор развития страны, вмешательство в конфликты на Украине и в Сирии, отношения между Россией и странами запада. Таким образом проходит жесткий контроль выбора тем для оценки политической реальности в России.

2. Разнообразие языкового отображения Российской действительности, достигается за счёт эксплуатации большого спектра когнитивных метафор, объединяемых в свою очередь в метафорические модели:

РОССИЯ – МОНАРХИЯ

РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА

РОССИЯ – РЕБЁНОК

РОССИЯ – ЖИВОТНЫЙ МИР

РОССИЯ – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ

РОССИЯ – БАНДИТСКОЕ ГОССУДАРСТВО

РОССИЯ – ВОЗРАЖДАЮЩЕЕСЯ СССР

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это
ОТНОШЕНИЯ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ**

3. Когда же речь заходит об описании президента России как главной фигурирующей личности западные СМИ используют такие когнитивные метафорические модели как:

ПУТИН – МОНАРХ

ПУТИН – ДЕСПОТ

ПУТИН – БАНДИТ

4. Указанные метафорические модели, оказываются доминирующими в дискурсе западных СМИ и при концептуализации российской политической реальности ведут к стереотипизации образа страны. Отражаясь в «метафорическом зеркале» западных СМИ, предстаёт то очаровательным другом, то дерзкой

возлюбленной, но чаще всего монархией, во главе которой стоят животные и бандиты.

5. Распространённые в дискурсе британских и американских СМИ концептуальные метафоры, с одной стороны, дублируют уже сложившиеся, устоявшиеся представления о России (страна с недемократической формой правления и криминальной правящей верхушкой), с другой стороны, способствуют формированию новых стереотипов (портящий всё к чему прикасается ребёнок).

Заключение

В данной работе была предпринята попытка исследования метафорического образа Российской действительности в западной языковой картине мира основанного на методологии таких научных направлений, как теория метафорического моделирование, лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Современные средства массовой информации отражают социальную среду и сферу формирования национальной информации. Дискурс масс-медиа как один из основополагающих элементов национального сознания, характеризуется как основной канал осуществления политической коммуникации, по средствам чего воздействует на восприятие отдельным реципиентом и нации в целом, политической реальности.

Используемые средствами массовой информации метафорические модели, с одной стороны дублируют уже существующие национальные стереотипы, с другой стороны являются инструментом для формирования новых. Российская реальность упрощается до когнитивно значимого уровня: Россия – это страна с недемократическим вектором развития и старыми традициями СССР, с биндитизированной элитой и тираном-преступником во главе. Внешняя политика сотрясается милитарными конфликтами, и вмешательством в дела соседей, а экономика преодолевает тернистый и опасный путь. Но тем не менее Российская Федерация сохраняет свою “внешнеполитическую притягательность”

Проведённое исследование показывает, что при формировании новых знаний о России, являющейся для западного реципиента страной чужой и не постыжимой, посредством метафоризации выражается как нечто более

простое и обыденное, например: механизм, организм человека, болезнь, или конфликт. Посредством таких метафорических моделей происходит перенос свойств и характеристик отображаемого на Российскую действительность, в следствии чего концептуализируется и включается в картину мира английской и американской наций.

Показательным является тот факт, что в англоязычных публицистических текстах, в которых фигурирует Россия, как универсальный источник концептуализации и категоризации российской действительности, эксплуатируются зооморфная и милитарная метафорические модели, посредством которых Россия предстаёт как жестокая и опасная.

Анализ использующихся, западными СМИ, концептуальных моделей, показал что основная их часть наделена агрессивным прагматическим потенциалом и способна инициировать с сознании реципиента дополнительные характеристики, связанные с борьбой, интригами, бандитизмом, мстостью, характерными, по мнению западных СМИ для российской действительности. Лишь единицы метафорических моделей имеют нейтральный или положительно-конотативный прагматический потенциал.

В данной работе детальному изучению подверглись далеко не все вопросы, вызывающие интерес у специалистов в сфере когнитивной лингвистики. Актуальными представляются следующие исследования:

- более детально изучить и описать метафорические конструкции, отражающиеся в дискурсе западных СМИ при репрезентации отдельно взятых сфер российской действительности;
- сопоставление метафорических моделей, эксплуатируемых американскими и британскими западными СМИ, для выявления национальной специфики видения мира;
- анализ закономерностей метафорического представления российской действительности в многообразии англоязычных дискурсов (экономическом, социальном, духовном).

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология.// Взлет и падение метафоры./под ред. М. Кукарцева, Е. Коломоец. 2003г. - 494 с.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Избранные труды. - Т. 2. - М., 1995. - 766 с.
3. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. - М., 1979. - 174с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., 1975.- 240 с.
5. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. –112с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе./ Екатеринбург 2006. – 214 с.
6. Будаев Э.В., Ворошилова М.В., Дзюба Е.В., Красильникова Н.А. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург 2011. – 252с.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288 с.
8. Ворошилова М.Б. Политический креализованный текст// моногр. – Екатеринбург 2013. – 194 с.
9. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации. – Харьков, 2001b. – 384 с.
10. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-189.

11. Курашов В. И. Нация в общечеловеческом и российском измерениях. - Казань, 1999. - 84 с.
11. Лакофф Д. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 387-416.
12. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. - 1993. - No 1. - С. 3-10.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2001.
14. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских: Учебное пособие /– М. : Механик, 1996 . – 208 с. –
15. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер с нем. А.А.Холодовича; Под ред С.Д.Кацнельсона. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 352 с.-
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. Пособие. – Екатеринбург, 2003с. – 194 с.
17. Алексеева А.А. Метафоры как средство репрезентации имиджа России. Новосибирск. 2009.
18. Антонова Ю.А., Кондратьева О.Н. Образ России в зарубежном политическом дискурсе. - Екатеринбург 2010.
19. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990. – 33с.
20. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке - М., 2000. – 23с.
21. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Автореф. дис... докт. филолог. наук. – Воронеж, 1998.
22. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. – С. 105-112.

23. Бранский В. П. Социальная синергетика и теория наций. – СПб. 2000. – 106 с.
24. Будаев Э.В. Метафорический образ будущего России в политическом дискурсе.// Политическая лингвистика 2(48)'2014
25. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 52-65.
26. Гетта О.Н. Способы воздействия в газетных текстах России и США./ 2007.
27. Гришаева Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов // XXI век: мир без войны и насилия?!: материалы 202 международной конференции /Под ред. Н. П. Тимофеевой. - Воронеж, 2002. - С. 99-124.
28. Донец П. Н. К типологии стереотипов // Социальная власть языка /Под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж, 2001а. – С. 183-188.
29. Егорова Э.В. Украинский кризис// Образ Росии в англоязычных электронных СМИ. 2014.
30. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей /Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 39-55.
31. Знаменская Т.А. Использование метафоры как средства манипуляции общественным мнением в англоязычных публикациях об Украине. 2015.
32. Знаменская Т.А. Манипулятивный потенциал оценочной лексики в политическом тексте. 2015.
33. Калашникова Л. В. Матафора – мощный лингвистический инструмент, преобразующий действительность в мир воображаемый./ Филологические науки. Вопросы теории и практики. №3 (10) 2011.
34. Калыгина М.Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США.//Политическая лигвистика 3(29)'2009./С. 109-113.

35. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград. – 2000. – С. 5-20. , с.7-10.
36. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. - No 3. – С. 102-116.
37. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.
38. Майданова Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ: Заметка, интервью, статья. – Екатеринбург, 1996. – 56 с.
39. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн., 2004. – 256 с.
40. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. –208 с.
41. Меренков А. В. Социология стереотипов. – Екатеринбург, 2001 – 290 с.
42. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
43. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. - Пермь, 2002. - 160
44. Пантелеева Е.А. Образ современной политической России в англоязычном медийном дискурсе. Вестник НГЛУ. Выпуск 18. Язык и культура.// –С. 69-77
45. Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердилов К. В., Кравцова А. Р., Осипова В. С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. – М., 2000. – 73 с.
46. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. – С. 76-94.

47. Симонян А.С. Метафорическое представление образа России в политическом дискурсе России. Челябинск 2008.

48. Солопова, О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и в Великобритании (2001 год) / О.А. Солопова. – Екатеринбург, 2006. – 244 с.

49. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2002. – 250 с.

50. Урысон Е. А. Фундаментальные способности человека и наивная <анатомия> // Вопросы языкознания. - 1995. - No 3. - С. 3-17.

51. Чугров С. В. этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. – 1993b. - No 1. – С. 41-54.

52. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. - Екатеринбург, 2001. - 238 с.

53. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

54. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

55. Краткий словарь когнитивных терминов /Под ред. Е. С. Кубряковой - М., 1996. – 245 с.

56. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 685 с.

57. Blomberg Business Week [Электронный ресурс]// <http://www.bloomber.com/businessweek.com> [дата последнего обращения 25. 03.16]

58. Chicago Tribune [Электронный ресурс]// <http://www.chicagotribune.com/> [дата последнего обращения 10. 05.16]

59. LosAngelesTimes. [Электронный ресурс] // <http://www.latimes.com/> [дата последнего обращения 10. 05.16]

60. The American Spectator [Электронный ресурс]// <http://www.spectator.org/> [дата последнего обращения 11. 04.16]
61. The Economist [Электронный ресурс]// <http://www.economist.com/> [дата последнего обращения 25. 03.16]
62. The Financial Times [Электронный ресурс]// <https://next.ft.com/> [дата последнего обращения 10. 05.16]
63. The Guardians. [Электронный ресурс] // <http://www.theguardian.com/> [дата последнего обращения 06. 06.16]
64. The International New York Times. [Электронный ресурс] <http://international.nytimes.com/> [дата последнего обращения 10. 05.16]
65. The National Interest [Электронный ресурс] // <http://nationalinterest.org/> [дата последнего обращения 25. 03.16]
66. The New York Times [Электронный ресурс] // <http://nationalinterest.org/> [дата последнего обращения 13. 04.16]
67. The Sun [Электронный ресурс] // <https://www.thesun.co.uk> [дата последнего обращения 25. 03.16]
68. The Times [Электронный ресурс] // <http://www.thetimes.co.uk/> [дата последнего обращения 13. 05.16]
69. The Wall Street Journal [Электронный ресурс] // <http://www.wsj.com/europe/> [дата последнего обращения 25. 03.16]
70. The Washington Post [Электронный ресурс] // <https://www.washingtonpost.com/> [дата последнего обращения 11. 05.16]
71. The Washington Times [Электронный ресурс] // <http://www.washingtontimes.com/> [дата последнего обращения 11. 05.16]